

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

eISSN: 2660-6828 | Volume: 03 Issue: 11 Nov 2022
<https://cajlp.centralasianstudies.org>

«Образная Композиция В Романе Т. Пулатова «Плавающая Евразия»

Юлчиев Каххоржон Вахобович

Научный руководитель доктор филологических наук, доцент

Мохира Ибрагимова

Магистрант Ферганского Государственного Университета

Received 18th Sep 2022, Accepted 19th Oct 2022, Online 28th Nov 2022

Аннотация

Художественная форма произведения складывается из отдельных образов. Их последовательность и взаимодействие между собой – важный момент, который выражает оттенки художественного содержания, и своеобразие воплощающей его формы. Эти образы могут быть различными: чаще всего они повторяющиеся, антитезные или это один образ, раскрывающийся на протяжении всего произведения. В романе «Плавающая Евразия» вымышленный город Шахград в ожидании разрушительного землетрясения (своеобразного апокалипсиса, «седьмого конца света») находится как бы в пограничной ситуации, сходит с ума. «Они (шахградцы) научились скрывать страх друг перед другом, замкнутые, бескровные лица-маски, на которых не мелькало ничего искреннего, выдавали в них людей опустошенных, не живущих, а играющих отведенные им роли в этом многочасовом спектакле».

Ключевые слова: образная композиция, мотив двойничества, образная система, сюжет произведения.

Композиция в литературе — организация, расположение и связь разнородных компонентов художественной формы литературного произведения. Композиция включает: расстановку и соотношенность характеров (композиция как "система образов"), событий и поступков (композиция сюжета), вставных рассказов и лирических отступлений (композиция внесюжетных элементов), способов или ракурсов повествования (собственно повествовательная композиция), подробностей обстановки, поведения, переживаний (композиция деталей). Художественная форма произведения складывается из отдельных образов. Их последовательность и взаимодействие между собой – важный момент, который непременно должен быть проанализирован, без чего зачастую нельзя понять ни оттенки художественного содержания, ни своеобразие воплощающей его формы. Эти образы могут быть различными: чаще всего они повторяющиеся, антитезные или это один образ, раскрывающийся на протяжении всего произведения. Между персонажами произведения могут возникать довольно сложные композиционные и смысловые взаимоотношения. Наиболее простой и часто встречающийся случай – противопоставление двух образов друг другу. Зачастую композиционная группировка персонажей осуществляется в соответствии с теми темами и проблемами, которые эти персонажи

воплощают. В данной статье мы проанализируем систему двойников в образной композиции на примере романа Тимура Пулатова «Плавающая Евразия»

Проза Тимура Пулатова отличается рядом постоянных и неизменных признаков: небольшой размер повестей и романов, ограниченное количество действующих лиц, связанных общими интересами; разработкой банальных сюжетных линий и, наконец, наличием проблем, тем и мотивов, переходящих из одной книги в другую. Оригинальность этим произведениям придаёт необычность ракурсов художественного видения прозаика, важность авторского отношения к изображаемому материалу. Главный герой в произведениях Т. Пулатова — личность сложная, неоднозначная, «промежуточный», «раздвоенный» человек. Сами герои также ощущают свою раздвоенность: «Мотаюсь, весь в бегах, ...от любящей женщины к ненавидящим торговцам, так раздваиваюсь, свожу злость и ласку, угрозы и наслаждения («Завсегдатай»). «Тарази был поэтом и ученым... Но в этой раздвоенности — его суть, сам образ жизни, судьба» («Черепаша Тарази»). «Ты «между» двумя укладами жизни — традиционным и современным, между двумя языками... — Ведь и вправду, я всегда «между» и разрываюсь. И порой так мучительно страдаю от этой раздвоенности («Жизнеописание...»).

Город Шахград в «Плавающей Евразии» также имеет своего зеркального двойника («Палаточный городок — эвакуированная часть города — с точностью дублировал сам Шахград: многие улицы повторяли шахградские названия. Номера домов и таблички с фамилиями домовладельцев висели у входа в палатки. Передвижные магазины и гастрономы назывались ново-шахградскими»). Наряду с двойственностью, раздвоенностью и вскрытием беспристанной противоречивости в его прозе присутствует мотив превращения, перевоплощения: медленное и неотвратимое, молниеносное и неожиданное в романе «Плавающая Евразия» — или реальное, или воображаемое героем, или существующее в легенде, сказке.

На протяжении многих столетий мотив двойничества постоянно и очень активно присутствует в дискурсе художественной литературы, актуализируясь в самых разнообразных проявлениях: начиная от темы маски, маскарада, и расширяясь до принципиально важных для литературы нашего века проблем нетождественности человека самому себе, поисков своего истинного «я», и о мистификации как форме и способе организации произведения, и о теме и мотиве двойничества, в разработку которых XX веке внес немало нового. А. К. Жолковский отмечает, что двойничество — это принцип, организующий персонажей в зеркальные пары, которые иногда склеиваются в единый сложный характер [3, с. 271].

Подробнее В романе «Плавающая Евразия» мы наблюдаем уже целую систему двойников, которые временами замещают друг друга, высказывают наружу, подавляя один другого Давлятов — Салих, Мирабов — Нахангов, Бабасоль — Шаршаров — наставник фемудян, Анна Ермиловна — Хайша, бродяга Музейма — Субхан — инженер Байт-Курганов (Давлятов: «Он часть меня, этот Салих, притом часть наиболее активная в сомнениях и вопросах. Я ведь человек амбивалентный, как большинство сегодняшних типов ко всему я испытываю два чувства самые противоположные, мучительно раздваиваюсь»). Роман был завершён в 1985 году, была опубликована в широко известном в ту пору журнале «Дружба народов» в 1990 году и была тогда у всех, как говорится, на слуху. Все главные герои романа изображены в двух ипостасях, в психологическом и портретном раздвоении: так, диссидент Шарапов, ранее высланный на Запад, появляется в городе Шахград в образе и в телесном облике ветхозаветного фемудянского старосты, высмеивающего пророчества его вечного гонителя бродяги Салеха о скором катастрофическом землетрясении. В свою очередь, Салех обитает в

телесной оболочке Руслана Давлятова, молодого учёного-сейсмолога, первым заметившего на своей трещину в земле – предвестницу грядущего стихийного бедствия в миллионном городе Шахград.

Надо сказать, что мотив двойничества в литературе не нов, двойники присутствуют как фабулообразующие персонажи в творчестве Гоголя, Гофмана, Диккенса, Бирса, Уэллса, По, Франса, Стивенсона, Шелли, в детективной и готической литературе, но один только Пулатов использует этот эффектный приём в своей неповторимой манере философского гротеска: приятель Давлятова врач Мирабов, гуманист по определению, и по призванию, жертвующий жизнью ради спасения жизни больного, в своей раздвоенности, амбивалентности самореализации, в самые острые авантурные моменты повествования неожиданно перевоплощается в одного из воротил города, директора института Атеизма – Нахангова, сильного, властного, беспардонного и беспринципного человека, воображающего себя Александром Македонским.

Нахангов – сосед главного героя Давлятова, опекает и направляет по жизненной стезе молодого сейсмолога, который в своём портретном двойственном антагонизме в необходимые сюжетные моменты предстаёт в облики ветхозаветного пророка Салеха, предрекающего миру страшное землетрясение как кару за грехи людей в современном городе конца XX века. Всесильный Нахангов, покровительствуя Давлятову, призывает того не только раскаяться в пороках своего второго «эго», но и публично изгнать его из себя наподобие экзорциста, отмежеваться от своей амбивалентной двойственности, сделавшись плоским и одномерным человеком. В обмен на покровительство, суля искушаемому всевозможные блага, Нахангов заставляет Давлятова публично отторгнуть от себя беса-искусителя-пророка Салеха, т.е. изгнать из души веру в Вечность в Бога, отказаться от вечных скрижальных религиозных заповедей, что в итоге явится полной победой главного атеиста города-государства, торжеством и апофеозом мирового Безбожия. Весь миллионный Шахград, живущий ожиданием неминуемой скорой гибели, воплощает в себе это имманентное раздвоение полушовки в динамичных сменах декораций, ремарок, портретов и пейзажей, подстрекается и разжигается самыми невероятными провокационными слухами о том, что среди них, современных, цивилизованных людей, пользующихся всеми благами постиндустриального общества, современными средствами связи, интернетом и цифровыми технологиями, появился ветхозаветный провозвестник апокалипсической гибели Салех. Оценив меру сотворённого горожанами добра и зла, взвесив их на прецизионных весах, он должен или отвести от города страшное землетрясение, или выпустить из земных недр на волю разрушительную энергию страшного Суда.

Список литературы

1. Бочаров А.П. Литература и время. — М.: Худож. лит., 1988.
2. Гринштейн А.Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры Синева Е. Н.
3. К вопросу о термине двойничество // Матер.13-й междунар. конф.
4. Молодых ученых, 26–30 декабря 2002 г. — СПб., 2002. Фридман И. Н.
5. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова: национальные образы мира. — М., 2005.
6. THE ENTIRETY OF SUBJECTIVE AND OBJECTIVE KV Yulchiev - Scientific Bulletin of Namangan State University, 2019.